

Как становятся европейцами

1

Соглашение об ассоциации Молдовы с ЕС подписано — результатом стал тяжелейший кризис. С Востоком отношения испорчены подчистую, а Запад уже прямо заявляет: в обозримом будущем Молдове членство в ЕС не светит. Мы стали страной с нетрадиционной политической ориентацией.

Вдобавок Запад — райская картинка только по сравнению с нами. Сегодня, когда я начал писать эти строки, исполнилось сто лет с момента развязывания Первой мировой войны, похоронившей европейскую гегемонию в мире и уверенность европейцев в завтрашнем дне. Сами они считают, что «золотой век» Европы — это 1815—1914 годы. И ровно сто лет, как он закончился.

Да, *наших* проблем у европейцев нет. Зато есть *свои*, ничем не лучше. Как заметил Бернанд Шоу, «человек, у которого болят зубы, считает счастливыми всех, у кого зубы не болят. Бедняк делает ту же ошибку в отношении всех богатых». Быть в авангарде прогресса — значит, помимо прочего, первым решить старые проблемы и вляпаться в новые, решения которых никто еще не знает. В незападных странах любят рассуждать о том, что европеизация породила трудности, шлейф которых тянется веками и не думает кончаться. Но это очень напоминает человека, одержимого историей: он знает, что любое его действие будет иметь отдаленные последствия, и поэтому боится и пальцем шевельнуть¹. Но ведь Ницше, описывая такого человека, имел в виду своих соотечественников-европейцев.

В год Деревянного Коня мы и получили данайский дар. Причем, как и в Трое, нашлись не по разуму усердные люди, сами затащившие этого коня в город. Осталось дожидаться ночи: кто вылезет из коня? И сейчас самое время спросить: а куда и зачем мы, собственно, стремимся? Что такое европеизация? Почему она происходит во всем мире — и везде по-разному? Как ее совершали другие народы? И можно ли ее избежать — чего так желают почвенники и национал-радикалы? А еще — что такое «европейские ценности», которыми нас так долго заклинают?

МОСИОНЖНИК Леонид Авраамович — зав. кафедрой антропологии и социальных технологий университета «Высшая антропологическая школа» (Кишинев, Молдова), доцент, доктор истории.

Ключевые слова: Россия, Запад, европеизация, модернизация, радикальные реформы, элиты, исторический опыт, Латинская Америка, Китай, Япония.

¹ См. **Ницше Ф.** О пользе и вреде истории для жизни. — www.nietzsche.ru/works/main-works/history/

В культурном смысле Европа — понятие настолько размытое, что Освальд Шпенглер даже предлагал вовсе отказаться от этого слова: «Восток и Запад суть понятия, исполненные подлинного исторического содержания. “Европа” — пустой звук»². Что же касается «европейских ценностей», то за последние века они круто менялись несколько раз. Для Средних веков — это, конечно, христианство, но оно успело расколоться на несколько враждовавших между собой направлений. Когда Петр Великий «в Европу прорубал окно», он видел на Западе прежде всего техническое развитие, порядок абсолютной монархии и высокий уровень жизни, средства для которого дает торговля. 1789 год провозгласил совсем иное — «свободу, равенство, братство». Для либерализма — это прежде всего свобода сильной личности, которой «тварь дрожащая» вовсе не равна. 1848 год поставил вопрос о правах наций, социализм — о социальной справедливости. И приверженцы всех этих идей пустили друг другу немало крови. Что касается прав человека и прав меньшинств, эти ценности трудно назвать чисто европейскими: они провозглашены декларациями ООН, которые предлагали и принимали не только европейцы.

Так что же можно четко и недвусмысленно назвать «европейскими ценностями»? Или у тех же свободы, равенства, гуманизма нет отчаянных противников в самой Европе? Или эти ценности — наследственное достояние одних лишь европейцев, порождение их «крови и почвы»? Но, во-первых, мы уже видели, что и в самой Европе их набор менялся со временем. Во-вторых, в таком случае следует признать, что другие культуры обладают своими, им свойственными и ничем не худшими наборами ценностей. Больше того, базовые ценности для них общи. Свобода? Действительно, в Китае до XIX века, до вторжения колонизаторов, не было понятия политической свободы (*цзыю*). Зато было понятие «естественности» (*цзыжань*) — духовной свободы творческой личности, и оно-то ценилось куда как высоко. Равенство? Считается, что у европейцев происхождение этого понятия — христианское: «ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Однако в мусульманстве идея равенства всех правоверных проводится куда последовательнее, поэтому в мусульманских странах не было ни крепостного права, ни наследственной аристократии. Водонос, ставший султаном, и наоборот — для этих стран дело хотя и редкое, но не странное. Каким же образом, по выражению князя Н. С. Трубецкого, маленькая «Европа» так возвысилась над остальным «человечеством»? Почему нам приходится говорить о «европеизации», а не, например, о «китаизации»?

Или все дело в иррациональном представлении о пространстве? Во многих религиях Запад выделяется особо как благая сторона, где находится земной рай³. И можно заметить, что для русских западников «Европа» — именно такое мистическое понятие, в которое можно вложить любое содержание. Для В. Г. Белинского Европа — это демократические традиции; для А. К. Толстого — культура рыцарского Средневековья; для М. Н. Каткова — лучшая ор-

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 145.

³ Подробнее см.: Мосионжник Л. А. Запад — земля обетованная? Мифическая география как ресурс реальной власти // Нестор. 2005. № 7: Технология власти: источники, исследования, историография. С. 335—351.

ганизация полиции; а для щедринских «бесшабашных советников» — машины со щетками для очистки улиц. Согласны все эти западники лишь в одном: «там» лучше, чем «у нас», и «нам с Европой пока нельзя равняться ни в чем». С другой стороны, все националисты-консерваторы, включая даже Гитлера, пугали свои народы «угрозой с Запада» — мол, как вы сами не понимаете?

Но если бы все дело сводилось к этим бессознательным представлениям, тогда и геспероманы (поклонники Запада), и гесперофобы (его ненавистники) были бы лишь небольшими мистическими кружками — вроде атлантологов или искателей Шамбалы. У окружающих они вызывали бы лишь незначительный праздный интерес. Отчего же споры вокруг вестернизации ведутся везде, на всех континентах? Отчего они поднимаются до уровня борьбы «мирового добра» с «мировым злом»?

Дело в том, что все сказанное до сих пор касается лишь внешней стороны проблемы, ее второстепенных нюансов. Суть же ее гораздо глубже. В последние несколько столетий весь мир переживает переход от традиционного общества, давно исчерпавшего свои возможности, к обществу

индустриальному и постиндустриальному. Это значит: переход от сельского образа жизни к городскому, от ручного труда — к машинному, от производства продуктов питания — к производству промышленных товаров и нематериальных услуг. От бездумного «рая архетипов», с такой ностальгией описанного М. Элиаде в «Мифе о вечном возвращении», — к рациональному планированию и централизованному управлению, от рутинного труда — к труду, требующему всеобщей образованности.

По ряду причин, говорить о которых можно было бы долго, Европа встала на этот путь раньше других. Поэтому черты модерна воспринимаются нами как европейские, а любое модернизирующееся общество становится похожим на европейское. Причина тому — не подражание, а внутренняя связность самого общественного уклада. Хотите изобилия продуктов — нужно промышленное производство, а при его нынешней технике — и конкуренция. А раз конкуренция — не обойтись и без рекламы, а раз так — целевая аудитория рекламных проспектов должна быть грамотной. И так далее.

Точно так же Х. Ортега-и-Гассет в свое время (1929 год) отмечал всеобщие жалобы на «американизацию» Европы. И возражал: особого влияния Америки на Европу в то время не было. Дело в другом: «...вышло так, что результаты европейского процесса совпадают с наиболее яркими чертами американской жизни; и это сходство типичных черт заурядного человека в Европе и

Европа встала на этот путь раньше других. Поэтому черты модерна воспринимаются нами как европейские, а любое модернизирующееся общество становится похожим на европейское. Причина тому — не подражание, а внутренняя связность самого общественного уклада.

в Америке привело к тому, что европеец впервые смог понять американскую жизнь, которая до этого была для него загадкой и тайной»⁴. Иными словами, культура, поднимаясь до того уровня, который был достигнут одной лишь Америкой, приобретает схожие с ней черты независимо от того, копировала она Америку или пришла к этому своим самобытным путем.

То есть, когда мы говорим об «европеизации», на самом деле речь идет о *модернизации*. Отказаться от нее не может ни один народ, если только он не согласен погибнуть или превратиться в этнографический реликт для развлечения более развитых собратьев. И вполне естественно, что страны, вступившие на путь модернизации позже Европы, должны учитывать ее опыт и вовсе не обязаны заново изобретать велосипед: помимо всего прочего, это требует столько времени, что ждать уже нельзя.

Но тогда встает вопрос: *как* достичь этих результатов, как сравняться с вырвавшимся вперед Западом? Не забудем, что Европа, создавая индустриальное общество, пользовалась ресурсами всего остального мира — с помощью своего военного и экономического превосходства. Тем же путем могли идти и Америка, и Япония. Остальные страны такой возможности уже лишены. Не говоря уж о моральной стороне колониальных захватов, на любом рынке у этих отставших стран есть старые и сильные конкуренты.

К тому же путь модернизации — всегда тяжкий. Даже в самом идеализированном виде он означает распад и разорение классов аграрного общества: помещиков, имперских чиновников, патриархальных крестьян, ремесленников-кустарей. Все знают, как в годы «первоначального накопления капитала» в Англии «овцы поели людей» — крестьяне были согнаны с земли, чтобы превратить поля в пастбища для овец, шерсть которых нужна была нарождавшейся промышленности. Б. Франклин мечтал видеть США страной свободных фермеров, А. Линкольн раздавал всем желающим фермерские участки за символическую плату — а сегодня в США фермеров лишь 3 процента населения: куда же делись остальные? По сравнению со всем этим советская коллективизация отличалась лишь формами, но не результатами: страны богатого Запада пережили «раскрестьянивание» куда раньше, чем Россия. Повторим: модернизация — это вовсе не светлая утопия, в которую надо верить. Это суровая неизбежность, которую нужно уметь встретить лицом к лицу. Иначе те, кто ушел на этом пути вперед, нас попросту проглотят, и даже наше возмущение никем не будет услышано. Мы будем-таки допущены к европейскому столу — но только в виде блюда.

Итак, «что делать» — ясно. Главное — «как»?

2

История учит, что к модернизации ведут три пути, отнюдь не равноценных. *Первый путь* — колониальный: европейцы завоевывают страну и сами, в собственных интересах, учреждают там фабрики, школы, больницы и прочие признаки европейской цивилизации. Но вряд ли кто-нибудь сам захочет для своей родины такой судьбы. К тому же в наши дни такой способ и нереален. Давно известно: чтобы колония приносила выгоду, ее следует развивать, создавать в ней инфраструктуру, условия для жизни самих колонизаторов и прочее. Но в 1950-х годах стало ясно и другое: когда коло-

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Гл. II. — <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega15.txt>

ния достигает определенного уровня развития, расходы по ее управлению (включая затраты на карательные операции) превышают доходы, которые она приносит. С этого момента удобнее переложить бремя управления на местную элиту (опутав ее долгами и кабальными договорами), а с себя снять и лишнюю ответственность, и лишние расходы. Так, в 1960 году Франция сама распустила свою колониальную империю в Африке, вслед за ней и Англия демонтировала еще уцелевшие остатки своей империи. Так что в наши дни прямые колониальные захваты уже невозможны: помимо прочего, они невыгодны самим державам, у которых могли бы быть для этого силы.

Второй путь — тот, которым пошла Латинская Америка после получения независимости. И нетрудно заметить, что Молдову сейчас упрямо толкают именно на этот путь. Это современный вариант призывания варягов с извечным лейтмотивом: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»⁵. Иными словами, страна пристраивается в хвост более развитым державам — в надежде, что от их богатства и ей перепадет доля. Для этого копируются (или пишутся под диктовку) конституции, полные цветистых фраз и ничем не гарантированных гарантий, поспешно вводятся нормы, к которым население не привыкло, но главное — создаются льготные условия для иностранного проникновения. То есть, вводится свобода торговли (из всех свобод — самая коварная), на любых условиях берутся кредиты, а если есть пустые земли — то поощряется европейская иммиграция.

Происходит это там, где национально-освободительная революция так и не стала социальной. Война за независимость Латинской Америки (1810—1826) сокрушила испанское и португальское владычество, но в новых независимых государствах у власти остались старые элиты — помещики и компрадорская буржуазия (то есть буржуазия, занятая не промышленным производством, а только вывозом ресурсов за рубеж). Обе эти силы не согласны делиться привилегиями со своими же батраками и не желают подлинного промышленного развития. Ведь при таком развитии и помещичье хозяйство, и компрадорская торговля становятся невыгодными. Либерализм их интересует как особые права только для своего узкого круга («мне, говорит, подай конституцию, а прочие пусть по-прежнему довольствуются ранами и скорпионами»⁶), а свобода торговли — как возможность ввозить предметы роскоши опять же для немногих. К развитию они относятся не просто эгоистически, но чисто потребительски.

Между тем при свободной торговле всегда побеждает более сильная экономика — это аксиома. И современные развитые страны начинали вовсе не с этого. В Англии XVI—XVII веков протекционистские законы были драконовскими: лицо, уличенное в попытке вывезти из страны необработанную шерсть, на первый раз карали отсечением руки, а при рецидиве — вешали. Лишь когда Англия почувствовала себя самой богатой в мире, она стала ратовать за свободу торговли. В 1868 году, незадолго до своего избрания президентом США, Улисс Грант говорил: «В течение двух веков Англия следовала политике протекционизма, доведя ее до крайних пределов, и результаты этой политики были вполне удовлетворительны. Нет никаких сомнений,

⁵ См. Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. Л., 1978.

⁶ См. Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом. М., 1989. Гл. I.

что своим теперешним могуществом она обязана именно этой системе. Но затем, после двух веков такой практики, Англия сочла уместным перейти к доктрине свободной торговли, поскольку, по ее мнению, протекционизм уже ничего ей не дает. Так вот, господа, насколько я знаю свою страну, через двести лет, когда Америка извлечет из протекционизма все, что он ей может дать, она также будет настаивать на свободной торговле»⁷. На деле Штатам пришлось ждать этого момента не 200 лет, а меньше полувека.

Латинская Америка пошла по другому пути: почти сразу открыла свои рынки для сильных конкурентов. В результате местная промышленность, едва начавшая становиться на ноги в начале XIX века, была быстро задавлена. Английские товары стоили дешевле местных и были качественнее. В результате даже рабы на бразильских плантациях, даже гаучо в аргентинской пампе были одеты во все английское. Из Англии ввозились даже пончо и деревянные стремена в местном вкусе. Но крах собственного производства вел к обнищанию населения, так что и дешевый товар не на что было купить. Место собственной промышленности занимали предприятия, принадлежавшие иностранному капиталу, а значит — неподконтрольные местным властям. И эти предприятия производят то, что нужно мировому рынку, а не тем странам, в которых они работают. В выигрыше оставались только купцы — посредники портовых городов да помещики, которым их дешевая сельскохозяйственная продукция дешево и обходилась. Если Куба, по словам Фиделя Кастро, вывозила сахар, чтобы ввозить конфеты, — получалось, что она не просто отдает сахар даром, но еще и доплачивает за такой экспорт: ведь конфеты стоят дороже сахара!

Убыточная экономика поддерживалась за счет кредитов. Но эти кредиты шли на непроизводительное потребление олигархов, а стало быть, превращались в современную форму ростовщичества. В 1824 году Аргентина, едва добившаяся независимости, получила от Англии щедрый кредит в один миллион фунтов — под залог всех доходов от столичной провинции. При этом после вычета всех комиссионных аргентинские власти получили на руки всего лишь 576 тысяч фунтов — и то не золотом, а векселями; зато постоянные перерасчеты довели сумму долга до 4 миллионов⁸. До начала XX века Аргентина выплатила в виде процентов по этому кредиту *восемь миллионов*, после чего вынуждена была объявить, что больше платить не может. При этом страны Латинской Америки не были вольны даже сменить кредитора — брать в долг у одного, чтобы рассчитаться с другим. В Мексике Порфирио Диас (1876—1911) больше тридцати лет обслуживал интересы американских дельцов — за это ему прощались самые худшие проявления диктатуры внутри страны. Но когда он попытался брать кредиты у англичан, чтобы создать противовес американскому влиянию, — США легко дали добро на его свержение. Англичане же в свою очередь одно из главных «преступлений» чилийского президента Х. М. Бальмаседы (о котором речь еще впереди) видели в том, что он — единственный раз за всю историю Чили в XIX веке — взял кредит не у английского, а у немецкого банка.

В Аргентине пламенным пропагандистом такого пути стал Доминго Фаустино Сармьенто. Это был мужественный борец против диктатуры

⁷ Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. М., 1986. С. 281—282.

⁸ См. там же. С. 279.

Х. М. де Росаса, писатель (его роман «Цивилизация и варварство» (1845) и более известный как «Факундо», стоит у истоков великой традиции латиноамериканского романа), страстный поборник просвещения, государственный деятель — во всех отношениях достойная личность. Поэтому на его примере особенно ярко видно, как заблуждались даже искренние сторонники «европеизации по-латиноамерикански».

Главную проблему своей страны Сармьенто видел в конфликте между городской «цивилизацией» и сельским «варварством», между городом и пампой, между традициями Европы и Америки (последние он часто сравнивал с азиатскими кочевыми традициями). Достаточно прочесть, например, такие строки: «Сострадание и стыд вызывает сопоставление немецкой и шотландской колоний на юге провинции Буэнос-Айрес и селений глубинных районов: у тех домики побелены, палисадники ухожены, посажены цветы и декоративные кустики, мебель в домах простая, но есть все необходимое, медная и оловянная посуда блестит, на кроватях — красивые покрывала, сами жители все время чем-то заняты. <...> Селения аргентинцев — постыдная обратная сторона этой медали: грязные, одетые в лохмотья дети спят вместе с собаками, мужчины в полном бездействии валяются на полу, грязь и нищета повсюду...»⁹ Как тут не вспомнить, например, Алексея Толстого (роман «Петр Первый»): вот в немецкой Кукуй-слободе — и чисто, и цивилично, и люди веселые — не то что у нас!

Но в чем причина? Сармьенто разделял идеи социал-дарвинизма, тесно смыкавшиеся с расизмом, поэтому у него нередко можно прочесть: аргентинцы-де — смешанного происхождения «однородный тип, склонный к праздности и неспособный к промышленной деятельности, за исключением тех случаев, когда воспитание и социальное положение подстегнут его и выведут из привычной обстановки. <...> Однако и испанская раса, оказавшись в американских просторах наедине со своими инстинктами, не показала себя более трудолюбивой»¹⁰. Спасти нацию может только помощь «старшего брата», включая приток европейской крови. В городах — все признаки европейской цивилизации, к которым, по мнению автора, относятся прежде всего «изящество манер, комфорт, европейская одежда, фрак и сюртук»¹¹. В составленной им анкете для аргентинских беженцев, спасавшихся в Чили от диктатуры, к этому списку добавляются адвокатские конторы, врачи, дипломированные судьи, рост населения, отсутствие чувства страха и полноценная монета¹². Зато гаучо (пастухи пампы — аргентинской степи) в его изображении — дикое и неуправляемое скопище людей, которое Сармьенто часто сравнивает то с бедуинами Аравии, то с монгольской ордой. Что пампа разделена на огромные скотоводческие поместья — это автору известно, но вывода, что гаучо пасут чужой скот на чужой земле и что это как-то влияет на их психологию, — этого вывода Сармьенто не делает. Хотя он иногда считал себя даже социалистом — не отличая, впрочем,

⁹ Сармьенто Д. Ф. Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кирогги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики. М., 1988. С. 20—21.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Там же. С. 21.

¹² См. там же. С. 49—50.

социализма от либеральной гражданственности¹³, — но как раз к социальному анализу он практически не прибегает, несмотря на собственные заявления. Там, где Сармьенто обещает «социальный анализ», мы видим лишь культурологические рассуждения — причем на тогдашнем, по нынешним меркам невысоком, уровне. Враждебность сельского пастуха к человеку во фраке кажется ему врожденной бессмысленной ненавистью варвара к цивилизованному человеку. Но ведь и помещики, эксплуатировавшие этих пастухов, жили в городах, почти не заглядывая в свои огромные, но нищие имения, — каких же чувств ожидать? А раз так, то и сходство гаучо с кочевниками Евразии чисто внешнее — оно ничего не объясняет.

Вывод Сармьенто таков: «...мы, испанцы, не сведущи ни в навигации, ни в индустрии, и Европа многие века будет обеспечивать нас своими машинами в обмен на наше сырье; и она, и мы выиграем от такого обмена. Европа даст нам весла в руки и повлечет буксиром вверх по течению, пока у нас не появится вкус к судоходству»¹⁴. И когда либералы пришли к власти, эту политику они и проводили. Аргентинские реки были открыты для иностранного судоходства. Сподвижник и ученик Сармьенто, президент Бартоломе Митре (1862—1868), открывая железную дорогу, «произнес по этому поводу пламенную речь: “Какова движущая сила этого прогресса? Господа, это английский капитал!”»¹⁵. Сам Сармьенто, став президентом (1868—1874), особо поощрял европейскую иммиграцию (еще в «Факундо» он ссылался на пример США). Действительно, волна иммиграции была огромной — но Аргентина чем была, тем и осталась. Власть помещиков не была поколеблена, и земли иммигрантов быстро переходили в их руки — если только те не селились сразу целыми колониями. Многие из европейских крестьян, выезжая в Аргентину, мечтали возделывать пшеницу, и сам Сармьенто считал, что рост земледелия приведет к росту общей культуры. Но пшеница двинулась в пампу лишь тогда, когда сами помещики увидели в этом выгоду для себя¹⁶. Военные перевороты, жесточайшие диктатуры, нищета и отсталость были так же характерны для Аргентины в XX веке, как и в XIX.

Впрочем, по мнению Л. Ю. Слезкина, Сармьенто в бытность свою президентом «мог еще заблуждаться и искренне верить, что он использует англичан и их капиталы с выгодой для своей страны»¹⁷. В полной мере зависимость Аргентины от зарубежных кредиторов и ее последствия сказались позже. В других странах Латинской Америки не было столь же ярких и честных выразителей подобных идей, но эти же идеи определяли и их политику — и приводили к тем же последствиям. Так, идейные потребности диктатуры П. Диаса в Мексике обслуживала группа «ученых» (*los científicos*) — сейчас их назвали бы технократами. Их идеи сводились к либерализму, позитивизму и убеждению, что мексиканцы не способны развиваться самостоятельно. Этим и обосновывалось привлечение иностранного капитала.

¹³ Земсков В. Б. Доминго Фаустино Сармьенто и «Факундо»: история, личность автора и жанр // Сармьенто Д. Ф. Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики. С. 217.

¹⁴ Там же. С. 176.

¹⁵ Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. С. 273.

¹⁶ См. Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.): Учеб. пособие. М., 1981. С. 130.

¹⁷ Там же. С. 129.

В 1879—1883 годах Чили, выиграв Вторую Тихоокеанскую войну, отвоевало у Перу и Боливии селитряные земли в пустыне Атакама. Формально страна стала «селитряной сверхдержавой», обладателем почти всех мировых запасов природной селитры — в то время крайне важного для Европы удобрения. Однако рудники тут же были захвачены английскими дельцами, причем с помощью кредитов, которые они получили в ими же контролируемых чилийских банках. Когда президент Х. М. Бальмаседа (1886—1891) попытался хотя бы частично вернуть Чили эти богатства и перейти от импорта промышленных товаров к их производству, «селитряный король» Дж. Т. Норт организовал его свержение. А когда в годы Первой мировой войны был открыт способ синтетического производства селитры, владельцы рудников просто перевели капиталы в другие отрасли и другие страны. Все произошло в полном согласии с законами капиталистического рынка, но все последствия грандиозного краха селитряной промышленности достались на долю одних чилийцев. И это не говоря о жизнях, потерянных в Тихоокеанской войне! Еще худшую трагедию страна пережила в 1973 году: когда президент Сальвадор Альенде попытался обуздать хищничество медных корпораций, те оплатили фашистский переворот. Такова перспектива «сырьевых сверхдержав».

Великий мастер находить смешное в самой безнадежности, О. Генри передает впечатления американцев от одного такого переворота:

«— Как это хорошо в наше время, — сказал полушутя капитан, — иметь возможность низвергать президентов и сажать на их место других по собственному своему выбору.

— О, это чистый бизнес, — заметил Винченти, остановившись и предлагая окурочить сигары обезьяне, которая качалась на ветвях лимонного дерева. — Нынче бизнес управляет всем миром. Нужно же было как-нибудь понизить цену бананов, уничтожить этот лишний реал. Мы и решили, что это будет самый быстрый способ»¹⁸.

Однако кредиты были не единственным способом низвести «новые независимые государства» на роль сырьевых придатков развитых стран. Так, железные дороги строились не самими этими странами, а английскими дельцами — чему, как мы помним, радовался Б. Митре. И эти дороги связывали районы производства сырья с вывозным портом, а не друг с другом. Такая структура была удобна торговцам-компрадорам, а не производителям. Вдобавок тарифы на этих дорогах устанавливались так, что вывоз сырья был выгоден, а остальной продукции — нерентабелен. В результате порты превращались в города-государства, а остальная территория — в их громадные придатки, рассадники нищеты, откуда «лишние рты» выдавливаются в трущобы, опоясывающие столицу.

К этому в XX веке прибавился технологический диктат развитых стран. «Третий мир» вынужден покупать у них устаревшие технологии по ценам новейших (потому что новейшие — кто же продаст?), что закрепляет навеки их неконкурентоспособность. Такое положение лишь отчасти связано с диктатом мировых центров (патентное право, копирайт, соглашения о правилах конкуренции). Немалую, если не главную, роль тут играет систе-

¹⁸ **Генри О.** Короли и капуста. Гл. 16. // **Он же.** Избранные произведения: в 2 т. / Пер. К. Чуковского. М., 1959. Т. 1.

ма просвещения. То, что образование в таких странах дорого и не всем доступно, — это еще полдела. Уже в 1928 году перуанский историк-коммунист Х. К. Мариатеги отмечал его направленность, далекую от практики: «Культ гуманитарных наук был одинаково близок и либералам, и старой землевладельческой аристократии, и молодой городской буржуазии. И те и другие находили удовлетворение в том, что университеты и училища выступали в виде неких фабрик по изготовлению литераторов и законников. Либералы были падки на риторику не меньше, чем консерваторы»¹⁹. В результате университеты тысячами выпускали юристов, чиновников, журналистов, литераторов и философов. Лучше всего — мистических философов, умеющих туманно рассуждать о божественном предначертании или о «загадочной национальной душе»: такие легче мирятся с окружающим безобразием, предлагая взамен «опиум для народа». Но ни в коем случае не математиков и не инженеров!

За таким образованием нужно было ехать в Европу или в США. И если студент оказывался талантливым — на родину он не возвращался: ему предлагали место работы в развитой стране и зарплату, о которой он не мог бы и мечтать в Перу или Бразилии. А если он возвращался — то уже убежденным, что «там» всегда будет лучше, чем «у нас». Вузовский диплом и докторская степень во многом стали простой заменой прежних аристократических титулов: диплом нужен для ранга, а не для работы по специальности. Поэтому и по сей день страны Латинской Америки не производят собственных технологий: этим просто некому заниматься.

Та же картина складывалась и там, где колонии были внутренними. Так, в ЮАР система апартеида опиралась не на открытый расизм (в тогдешнем мире это было уже неприлично), а на антропологические идеи о равноправии культур, о праве каждой этнической группы на культурное своеобразие. Ссылка на эти идеи не случайна: один из архитекторов системы апартеида, фельдмаршал Ян Сметс был учеником Бронислава Малиновского, одного из крупнейших антропологов XX века. Поэтому в то время в ЮАР существовали университеты, где африканцы могли выучиться на философа, священника или педагога («смотрите: какие же мы расисты?»). Но обучать африканцев инженерным и техническим профессиям наотраго запрещалось — а то они, чего доброго, сумеют обойтись без белых. Горькие плоды такой системы Южная Африка пожинает до сих пор.

Нигде предательство национальных интересов помещичье-компрадорской элитой не достигло таких пределов, как в Доминиканской Республике. Эта небольшая страна, едва освободившись от испанского господства, тут же попросилась в состав Великой Колумбии (возглавлявшейся в то время «Освободителем» — Симоном Боливаром); но уже через девять недель — по просьбе другой части жителей — была захвачена соседней Гаити. В 1843 году страна добилась независимости, но романтические революционеры вынуждены были просить помощи у помещиков (которые одни обладали военной силой), а затем ими же были изгнаны из страны. Ведущими фигурами Первой Республики стали крупнейший помещик Педро Сантана (командовавший армией из своих кабальных работников — пеонов) и крупнейший торговец и спекулянт Буэнавентура Баэс. Оба они не надеялись удержать

¹⁹ Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 144.

власть собственными силами и не раз обращались к Англии, Франции, США и Испании с просьбой об аннексии своей страны.

При этом доминиканский «унионизм» не опирался на этническое родство: местная элита откровенно искала поддержки на стороне против собственного народа. Но США были заняты другими проблемами, а европейские державы опасались вторгаться в их сферу влияния, очерченную «доктриной Монро». Тем не менее в 1861 году, когда в США началась Гражданская война, Испания удовлетворила очередную просьбу. Республика вновь стала испанской колонией, а Сантана — ее генерал-губернатором (правда, всего на год: сами испанцы ему не очень доверяли). Ответом стало массовое восстание, и новая колония принесла хозяевам больше убытков, чем прибылей. Когда в 1865 году стало ясно, что США вот-вот покончат с Гражданской войной и начнут интересоваться, кто это тут расхотелся у них под боком, испанская королева просто аннулировала акт об аннексии.

Однако Баэс на этом не успокоился. В 1869—1871 годах он вел переговоры с президентом У. Грантом об аннексии — за спиной конгресса США. Когда афера раскрылась, сенат отказался ратифицировать уже готовый договор и престиж Гранта был серьезно подорван. Доминиканский «унионизм» потерпел крах — что не помешало США уже в XX веке поставить формально независимую республику под свой полный контроль.

Итак, «европейский путь по-латиноамерикански» свелся к тому, что узкий круг элиты этих стран был «принят» в европейских салонах. Остальным их согражданам достались нищета и отсталость. Удивительно ли, что в XX веке весь континент охватила борьба, в которой лозунги социальной справедливости и независимости выдвигались как части единого целого, ибо без первого теряло смысл и последнее?

И эта борьба не сводилась к европеизации какого бы то ни было толка. В своем «Послании народам мира, отправленном на Конференцию трех континентов» (своего рода политическом завещании) Э. Че Гевара подчеркивал: хотя в Европе «противоречия приобретут в ближайшие годы взрывной характер» (предчувствие 1968 года), «но их проблемы и, наконец, их решения отличаются от тех, что стоят перед нашими странами, зависимыми и колониально-эксплуатируемыми»²⁰. Двумя годами раньше он отмечал, что «в империалистических странах рабочие постепенно теряют свой интернациональный классовый дух под влиянием известной сложности эксплуатации в зависимых странах и поэтому, в то же время, ограничиваются духом массовой борьбы в собственной стране»²¹. Речь тут идет о том, что развитые страны могут позволить себе роскошь — тратить часть доходов, выкачанных из «третьего мира», на социальные выплаты в самой Европе или Америке. Иными словами, даже рабочие и революционные интеллигенты развитых стран превращаются в соучастников неоколониального грабежа. И вряд ли их интернационализм зайдет так далеко, чтобы пожертвовать частью своих зарплат и пенсий. Скорее они будут бороться за более равномерное перераспределение таких доходов, а не за их исчезновение. И это говорилось даже тогда, когда умеренно-левые правительства европейских стран счита-

²⁰ **Che Guevara E.** Mensaje a los pueblos del mundo a través de la Tricontinental. 1967. — www.marxists.org/espanol/guevara/04_67.htm

²¹ **Che Guevara E.** El socialismo y el hombre en Cuba. 1965. — www.marxists.org/espanol/guevara/65-socyh.htm

ли своим долгом проводить активную социальную политику, — что уж говорить о нынешнем неолиберальном ЕС!

Таковы плоды «импортируемой модернизации, насаждаемой посреди пустыни отсталости и невежества»²². Нетрудно заметить, что в наши дни и Россию, и Молдову толкают именно на эту скользкую дорожку — и не только мировые банки, но прежде всего собственные компрадорские элиты. И навивно винить в этом европейцев: конечно, их правительства зависят от голов *своих* избирателей, а не наших, и ведут себя соответственно. Проблема не столько в них, сколько в наших собственных элитах, способных править лишь в условиях отсталости. А такие условия в нынешнем мире может обеспечить только внешняя зависимость. Этим сказано все.

3

Третий путь модернизации радикально отличается от первых двух тем, что здесь государство само контролирует процесс и может определять, и что будет заимствоваться, и каким путем, и до какой степени. При этом оно исходит из интересов собственной страны, а не спонсоров и не мирового рынка. Кредитование здесь осуществляется в основном за счет собственных ресурсов, а иностранцы привлекаются как наставники и технические специалисты — в рамках, определенных тем же государством. Такую политику японцы в свое время называли «вакон-есай» (букв.: японская основа — европейские таланты).

Первой в мире на этот путь вступила Россия Петра Великого. Через двести лет эстафету петровских реформ подхватила Советская власть. Именно это обстоятельство долго позволяло России—СССР быть признанным ориентиром всего «третьего мира». Однако тем же путем вступали в современность и другие страны: Япония после революции Мэйдзи (1868), Китайская Народная Республика после 1949 года, Турция при Ататюрке (1923—1938) и некоторые другие. Даже США в какой-то мере можно отнести сюда, хотя случай США все же особый: северным штатам после 1815 года никогда не грозила внешняя зависимость. Равным образом из рассмотрения можно исключить вторую модернизацию Японии (после 1945 года): стартовые позиции для нее были уже созданы в эпоху Мэйдзи, а значит — это несколько иной случай, чем наша постсоветская ситуация.

Нетрудно заметить, что перечисленные страны имели разный социальный строй: СССР и КНР — социализм, Япония и тем более петровская Россия — отнюдь. Различались и методы: хрестоматийная фраза Пушкина о том, что многие указы Петра I «писаны кнутом», — это еще мягко сказано. В. О. Ключевский оценил петровские приемы и того резче: «Все это было бы смешно, если бы не было безобразно»²³. Однако Япония сумела обойтись без «кнутов». За 14 лет с момента насильственного «открытия» своей страны американским коммодором Перри (1854—1868) японцы своими глазами увидели, что их ждет в случае превращения в полуколонию. Поэтому правительство Мэйдзи смогло получить такую общественную поддержку, о которой Петр и мечтать не мог, что сказалось и на методах.

²² Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. С. 339.

²³ Ключевский В. О. Курс русской истории // Он же. Сочинения. Т. 4. Ч. 4. М., 1989. С. 200.

Но во всех этих случаях модернизацию сопровождал социальный переворот, а то и настоящая революция. Петр лишил боярство монополии на власть: его опорой было дворянство (до этого — служилое военное сословие) и нарождавшаяся русская буржуазия. В Японии революцию обычно называют «реставрацией» или «обновлением» (Мэйдзи исин), но ее результатом стало упразднение феодальных княжеств, феодальной иерархии и сословных привилегий. Социальные перемены оказались неизбежной предпосылкой модернизации по собственному пути. Ведь и Петр Великий не с неба свалился: итальянские архитекторы работали уже при дворе Ивана III, а большинство реформ Петра пытался совершить еще его отец, Алексей Михайлович. Но при сохранении власти в руках ничтожного числа боярских семейств все начинания повисали в воздухе, не находя опоры. И у Ататюрка был предтеча — султан Селим III (1789—1807), пытавшийся заимствовать европейскую военную технику без глубоких реформ своей империи, — он закончил трагически. Китайское правительство в 1880-х годах провозгласило «политику самоусиления» — заимствования европейской техники без глубоких реформ. Крах этой политики показала Японо-китайская война 1894—1895 годов. Можно назвать и другие примеры.

Итак, модернизация по «петровскому» пути — это всегда отстранение прежней элиты и переход реальной власти ко «второму эшелону» социума. Кроме того, самостоятельное развитие требует собственных кадров *технической* интеллигенции. Не хочу сказать ничего плохого о гуманитариях (я сам гуманитарий); но в условиях, о которых мы сейчас говорим, без «технарей» обойтись нельзя. Первым дипломированным инженером в России стал сам Петр I: из Кенигсберга он привез диплом артиллериста, а из Сардама — кораблестроителя. И даже петровская страсть к флоту работала на это. Ведь военный корабль — это самая сложная машина, известная во времена Петра. Служба во флоте была самым верным способом воспитать людей, способных не только думать головой, но и трудиться руками.

Известнейший румынский историк Лучиан Бойя не без иронии заметил, что коммунисты XX века представляли себе будущее как «мир инженеров». Поэтому две трети выпускников советских вузов составляли инженеры, и из них же выходили руководители наивысшего звена, в то время как в Европе то же место занимают юристы²⁴. Отсюда навязчивые параллели между современными коммунистами и технократами. Но преобладание юристов — это как раз черта обществ, находящихся в упадке: правовые отношения усложнились уже настолько, что все больше специалистов вынуждено заниматься только ими. Во Франции накануне падения абсолютизма юристов тоже было множество.

В допетровской России гуманитарное образование тоже делало успехи. Хватало образованных богословов — как своих, так и приглашенных с Украины и из Белоруссии, а в правление Софьи (1682—1689) была создана Славяно-греко-латинская академия по образцу Киево-Могилянской. Фаворит Софьи, князь В. В. Голицын, мог говорить на нескольких западных языках, был поклонником Людовика XIV и строил преобразовательные планы. Но все это было поверхностно, не связано с действительными проблемами страны, и даже в среде бояр и купцов мало кто понимал, зачем все это нужно.

²⁴ См. **Boia L.** *Mitologia științifică a comunismului*. București: Humanitas, 2005. P. 148—151.

«Петру не нравился характер Московской академии, которая не была специальным духовным училищем, а светских людей выпускала без тех познаний, в каких особенно нуждался царь; ему нужно было такую школу, из которой бы “во всякие потребности люди происходили, в церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строение и докторское врачевское искусство”, как он говорил патриарху Адриану»²⁵. Та же ярко практическая направленность характерна и для образования других перечисленных стран. Это-то и отличает ее от системы полукOLONиального образования, так ярко описанной Х. К. Мариатеги.

При Петре русские ездили в Европу *на учебу, а не на поклон*. При этом царь лично следил за качеством знаний; и те, кто показывал способности, сразу же получали соответствующую должность. При этом Петр высоко ценил тех, кто сотрудничал с европейцами, но готов был на руках носить тех русских, которые способны были действовать на европейском уровне *сами*, без помощи консультантов. В. О. Ключевский резюмировал: «Техника военная, народнохозяйственная, финансовая, административная и техническое знание — вот обширная область, в которой работать и учить русских работе призывал Петр западного европейца. Он хотел не заимствовать с Запада готовые плоды тамошней техники, а усвоить ее, пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом — техническим знанием»²⁶.

Но так же воспитывала свои кадры Япония, а затем — КНР. При этом государство не стеснялось выдвигать претензии к работе зарубежных наставников. Так, «30 октября 1956 г. Лю Шаоци говорил послу П. Ф. Юдину, что советские специалисты не понимают специфики того государства, в котором работают, они явно политически нагружены, рекомендации некоторых советников могут привести к отрицательным результатам»²⁷. В то же время китайцам, сотрудничавшим с советскими специалистами, постоянно напоминали: не думайте, что русские всегда будут работать за вас! Ваша задача — перенимать их опыт, чтобы дальше вы могли работать уже самостоятельно!

В идеологическом плане уступок делалось меньше всего. Петр создал льготные условия для приглашенных им с Запада кальвинистов и лютеран, мог пародировать церковные обряды (вспомнить хотя его «всепеньейший собор») и выгонять духовенство на рытье окопов. Даже провозглашение императора главой церкви было, в сущности, повторением реформы Лютера в русских условиях. Но при этом Петр не только сам оставался глубоко верующим, но и не позволял никаких посягательств (особенно со стороны) на духовную роль православия — вплоть до учреждения настоящей инквизиции в 1721 году для надзора за действиями причта (к счастью, в России инквизиция просуществовала недолго — лишь до 1727 года, так как само правительство ужаснулось ее результатам)²⁸.

Со своей стороны Япония заимствовала достижения христианской цивилизации, но не само христианство: его место заняла национальная религия

²⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. М., 1997. Гл. 2.

²⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 197.

²⁷ Чжан Байчунь, Яо Фан, Чжан Цзючунь, Цзян Лун. Передача технологий из Советского Союза в Китай, 1949—1966 / Пер. с кит. Е. И. Ганьшиной. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 148.

²⁸ См. Титов А. А. Инквизиторы на Руси в XVIII в. (Из современных бумаг) // Русский Архив. 1901. Кн. 2. Вып. 8. С. 449—460.

синто, при этом превращенная из обычного культа предков в культ императорской династии²⁹. Иными словами, принимался *метод* реформирования национальной церкви, но без прямого переноса «символа веры». Там же, где государственная идеология была импортирована из Европы (марксизм в СССР и КНР), она настолько видоизменилась на местной почве, что быстро стала непохожей на идеи своих европейских предтеч.

Далее, все страны, пошедшие по «петровскому» пути, ревниво оберегали свою финансовую независимость. Петр готов был скорее снять колокола с церкви, чем просить денег за рубежом. И хотя совсем без кредитов обойтись было нельзя, но государство брало их в таких размерах, чтобы они не стали кабальными, и ревниво следило за их использованием. «Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга, не израсходовал ни одного рабочего дня у потомства, напротив, завещал преемникам обильный запас средств, которыми они долго пробавлялись, ничего к ним не прибавляя. Его преимущество перед ними в том, что он был не должником, а кредитором будущего»³⁰. Показателен такой случай. Во время переговоров с Н. Хрущевым в 1958 году о строительстве радиостанции для нужд подводного флота «Мао Цзэдун <...> стоял на том, что проект будет финансировать китайская сторона, но использоваться он будет обеими странами. Если советская сторона будет продолжать настаивать на оказании финансовой помощи при строительстве, то станцию можно не строить»³¹. Пусть кто-нибудь расскажет нашим политикам о такой щепетильности!

Но ведь для масштабной модернизации все же нужны средства, да такие, что никаких церковных колоколов не хватит. Вот тут и петровская Россия, и Япония эпохи Мэйдзи нашли схожий выход — поддержка национального капитала под контролем и при определяющей роли государства. «Фабрика и завод при Петре, как мы видели, не были вполне частными предприятиями, руководимыми исключительно личным интересом предпринимателей, а получили характер государственных операций, которые правительство вело посредством своего обязательного агента, гильдейского гражданина: за это купец, фабрикант или заводчик пользовался дворянской привилегией приобретать к фабрике и заводу деревни с крепостными рабочими руками». Даже такие крупнейшие заводчики, как Демидовы, были при Петре чем-то вроде государственных управляющих на собственных предприятиях, а их продукцию закупала в основном казна. Для этой цели Петр «на верхний городской класс, гильдейское гражданство, возложил сверх прежних казенных служб еще особую повинность, по добывающей и обрабатывающей промышленности, сдавая казенные фабрики и заводы принудительно образуемым из купечества компаниям»³².

Без петровской крутости, но тем же путем и столь же быстро, шла и Япония. Здесь правительство начало с организации государственных фабрик, но быстро обнаружило неэффективность чиновничьего управления.

²⁹ См. Молодякова Э. В., Маркаръян С. Б. Глава первая. О японском типе модернизации // Япония: опыт модернизации / Под общ. ред. Э. В. Молодяковой. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 62.

³⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 198.

³¹ Чжан Байчунь, Яо Фан, Чжан Цзючунь, Цзян Лун. Передача технологий из Советского Союза в Китай, 1949—1966. С. 31.

³² Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 194.

И тогда предприятия начали передавать в частные руки — по символическим ценам, а то и вовсе даром. Так, для военной экспедиции на Тайвань правительство «японского Бисмарка» Т. Окубо закупило в США 13 транспортных судов за полтора миллиона долларов. Все эти суда были безвозмездно переданы создателю компании «Мицубиси» Я. Ивасаки; в качестве частных кораблей они обслуживали тайваньскую экспедицию³³.

Все это очень напоминало бы постсоветскую «прихватизацию», если бы не два «но». Во-первых, средства, которыми так странно распорядилась японская казна, не были разворованной общенародной собственностью. Их дала ликвидация феодальных владений: князья, поддержавшие революцию, добровольно (!) уступили свои княжества императору, а затем заставили и остальных сделать то же самое. Это стало возможным лишь потому, что старая элита понимала неизбежность и даже желательность перемен, а новая была готова уважать традицию³⁴. Во-вторых, новые капиталисты вышли здесь не из криминальных или чиновничьих элементов, способных лишь к компрадорскому бизнесу. Это были либо старые купеческие дома с более чем двухсотлетним деловым опытом — такие, как Мицуи и Сумитомо, либо предприниматели, начавшие дело еще в 1840-е годы — в период «реформ годов Тэмпо в княжествах Тесю, Сацума и Мито». Под патронатом удельных князей они создавали предприятия европейского типа и с европейской техникой еще за десять лет до того, как в страну вломилась эскадра колонизаторов М. Перри. Тот же Ивасаки Ятаро, создатель «Мицубиси», начал службу у князей Яманюти, создав судоходную компанию, а затем перешел к «служению государству» — «*секи хoko*»³⁵. Кстати, перенос старых понятий феодальной верности в новую, уже буржуазную реальность заметно облегчил превращение прежних сеньоров и вассалов в нынешних «самураев с портфелями».

Итак, это было не ельцинское «берите, сколько унесете». Это была продуманная политика инвестиций государства в частный сектор, контроль над которым оно при этом не выпускало из рук, и притом в те отрасли, которые оно считало жизненно важными для страны. Нетрудно заметить, что такие же цели (с соответствующими поправками, конечно) преследовала и советская новая экономическая политика (нэп) — в том виде, в каком она начиналась при жизни Ленина, и политика Дэн Сяопина и его преемников в КНР.

Политическая независимость также во всех этих случаях была предметом особой заботы государства. Много говорили о том, как Петр преследовал национальные традиции — они могли стать духовной основой для сопротивления его режиму. Гораздо меньше замечают, что тот же Петр ни разу не пожертвовал интересами России в угоду какому-либо союзнику. Не случайно из всех иностранцев он предпочитал именно немцев и голландцев: в то время ни Голландия, уже скатившаяся до роли второстепенной державы, ни Германия, раздробленная на множество мелких государств, не представляли для России серьезной угрозы. Имея с ними дело, можно было не опасаться, что вслед за специалистами и капиталами явятся войска какого-нибудь Брауншвейга или Мекленбург-Шверина. Преемникам Петра было уже сложнее: им приходилось иметь дело уже с несколькими великими державами.

³³ См. Бандура Ю. Империя «трех бриллиантов». М.: ИПЛ, 1976. С. 8.

³⁴ См. Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Глава первая. О японском типе модернизации. С. 61.

³⁵ См. Бандура Ю. Империя «трех бриллиантов». С. 5–6.

Надо было лавировать, не связывая себя слишком тесно ни с одной из них, но в то же время укрепляя собственную обороноспособность. Так, Атаджурк был убежденным антикоммунистом, но это не помешало ему опереться на поддержку Советской России, когда понадобилось заключить с Западом почетный мир (Лозаннский 1923 года).

Что же до «преклонения перед Западом», то для деятелей петровского типа это выражение — не более, чем бранный ярлык, не отражающий сути дела. Пожалуй, четче всех об этом сказал великий русский историк В. О. Ключевский: «Петра часто изображали слепым беззаветным западником, который любил все западное не потому, что оно было лучше русского, а потому, что оно было непохоже на русское, который хотел не сблизить, а ассимилировать Россию с Западной Европой. Трудно поверить, чтобы всегда расчетливый Петр был расположен к таким платоническим увлечениям. Из обзора жизни Петра мы видели, как в 1697 году под прикрытием торжественного посольства, в свиту которого замешался и Петр под вымышленной фамилией, снаряжена была секретная воровская экспедиция с целью выкрасть у Западной Европы морского техника и техническое знание. Вот для чего нужна была Петру Западная Европа. Он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство. <...> Вот почему хочется верить дошедшему до нас через много рук преданию о словах, когда-то будто бы сказанных Петром и записанных Остерманом: “Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны вернуться задом”»³⁶.

Отнюдь не случайно, что уже в самом начале своих реформ правительство Японии организовало «миссию Ивакуры» (1872—1873), которую с тех пор и по сей день ставят в параллель с петровским «Великим посольством». Виднейшие деятели страны — такие, как Ито Хиробуми или Окубо Тосимити, — надолго оторвались от текущих дел ради этой поездки. А сам глава миссии, министр иностранных дел Ивакура Томоми, «был восторженным поклонником Петра Великого и из своего путешествия вывез богатую коллекцию портретов преобразователя России»³⁷. Поэтому по возвращении Ивакура стал пропагандистом российского опыта и способствовал его изучению: «Все русское пользовалось в целой его партии совершенно особым пристрастием. Россия представлялась японцам страной значительно ближе к их нравам и порядкам, чем западноевропейские государства или Соединенные Штаты»³⁸. Главный же вывод, с которым «миссия Ивакуры» вернулась на родину, гласил: Европа не настолько опередила Японию, чтобы ее нельзя было догнать.

Можно было бы сказать, что такой путь подходит только для сильных стран, но это неверно. Все перечисленные страны начинали модернизацию в условиях тяжелейшего кризиса, а часто — и военного поражения: СССР в 1920-е годы, Япония после ее насильственного «открытия» в 1852 году, Тур-

³⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 195—196.

³⁷ Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 173. — www.bakumatsu.ru/lib/LMechnikov.pdf

³⁸ Там же. С. 206.

ция после крушения Османской империи, Китай после ста лет (1842—1949) полукOLONиального режима и 35 лет (1912—1949) непрерывных внутренних и внешних войн. В это время они не были сильны, и модернизация была для них не прихотью, а единственным выходом. Так что тем, кто выбирает путь зависимости, не стоит оправдываться: мы-де нищие, мы-де темные...

Кстати, замечание В. О. Ключевского о Европе, что «Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство», не стоит понимать в славянофильском духе. Все гораздо естественнее: в любой сложной игре появление нового сильного игрока грозит спутать все карты. Лишь за полвека до Петра в Тридцатилетней войне, ценой моря крови, было установлено шаткое равновесие между Францией и Австрией; война за испанское наследство (1701—1714) привела к его пересмотру. Тогдашняя Европа напоминала посудную лавку, в которой идет постоянная драка: не хватало еще только слона — а вот и он! И как он себя поведет — еще неизвестно. Рухнули все тщательно выверенные расчеты старых держав, равновесие нужно устанавливать заново. И так повторялось всегда, не только с Россией. Поэтому не стоит бояться, что в случае чего Европа поставит нам двойку по демократии: это в любом случае неизбежно, но не всякая двойка должна пугать.

Итак, «петровский» путь модернизации включает:

- отстранение от власти правящей олигархии, опору на активные, но не привилегированные слои;
- постоянный контроль государства над всем процессом структурной перестройки;
- кредитование в основном за счет собственных источников;
- развитую систему образования, в первую голову — технического;
- дружественные отношения с возможными партнерами при соблюдении должной дистанции в отношениях с ними.

Когда-то Россия вступила на этот путь первой. Потому-то во всем мире те, кто стремится к модернизации и независимости одновременно, так внимательно изучают российский опыт. Дело тут не в религии, не в особом национальном «духе» и прочих мистических «сущностях». Но Россия уже прошла тот путь, который многим еще предстоит. Она первой столкнулась с теми проблемами, которые теперь стоят и перед нами, и первой нашла способы их решения. И ее пример удобен для понимания, как это делается, и нет ли тут каких-то опасностей.

4

Опасности же тут подстерегают немалые. Первая и самая явная — можно не дойти. Так случилось, например, с Парагваем: в XIX веке он успешно развивался на собственной основе, но в 1865—1870 годах был разгромлен армиями Бразилии, Аргентины и Уругвая, операции которых оплачивала Англия. Впрочем, во времена безраздельного господства Англии во всей Южной Америке трудно сказать, был ли у Парагвая лучший выход.

Вторая опасность — социальная поляризация. Польский журналист Р. Капусциньский описал этот феномен на примере Ирана (в книге «Шахиншах»). Нефтедоллары позволили этой стране обойтись без иностранных кредитов, но не отменили технологической отсталости (собственных специалистов режим не готовил, чтобы не получить революционеров себе на голову). Больше того, колоссальные нефтяные богатства достались толь-

ко самому шаху, клике его приближенных и наемным иностранным специалистами. Здесь не было даже политики подкупа граждан, как в «нефтяных эмиратах»: со своими крестьянами шах ничем не делился. Через шесть лет дело закончилось революцией. По сути, способ модернизации, выбранный шахом, означал скатывание с «петровского» пути на «латиноамериканский».

Третья и самая частая опасность — культурный шок. Когда это понятие было предложено канадским антропологом Калерво Обергом в 1949 году, имелось в виду состояние эмигрантов, внезапно обнаруживших, что в стране, куда они приехали, их прежние достоинства не ценятся, а к новым нормам они не в состоянии быстро приспособиться. И реакция их может быть самой разной — от стыда за свое происхождение до стремления вернуться назад с этого «безумного» Запада. Однако в такое положение может попасть и целая страна, внезапно столкнувшаяся с вызовом более развитой цивилизации. А. Дж. Тойнби в своем «Постижении истории» посвятил таким ситуациям целую главу «Контакты между цивилизациями в пространстве».

Но первой задумалась об этой угрозе та страна, которая первой же и вступила на путь европеизации по собственной воле, — Россия. Приоритет тут по праву принадлежит князю Михаилу Михайловичу Щербатову, деду П. Я. Чаадаева и лидеру аристократической оппозиции при Екатерине II. Его «язвительнейшее», по выражению Ст. Рассадина, сочинение «О повреждении нравов в России» пролежало в столе полвека и лишь в 1858-м было впервые издано А. И. Герценом под одной обложкой с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Вопреки мнению Герцена, Щербатов вовсе не идеализирует боярскую Русь и признает необходимыми петровские реформы. Но суть своих претензий он высказал на первой же странице: «В истину могу я сказать, что естли, вступя позже других народов в путь просвещения, и нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов; мы подлинно в людкости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей. Но тогда же гораздо с вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов, и достигли даже до того, что Вера и Божественный закон в сердцах наших истребились, тайны божественные в презрение впали, гражданские узаконения презираемы стали»³⁹.

При этом главный недостаток петровских реформ, по мнению князя, состоял в их поспешности, не позволившей россиянам мягко и безболезненно перестроиться на новый лад: «И сие действие Петра Великого можно применить к действию неискусного садовника, которой у слабого дерева отрезывает водяные, пожирающие его сок, ветви. Естлибы оно было корнем сильно, то сие обрезывание учинило ему произвести хорошия и плодовиые ветви, но как оно *слабо и больно* (Курсив мой. — Л. М.), то урезание сих ветвей, которые чрез способ листьев своих, получающих внешнею влагу, питали слабое дерево, отняв ее, новых плодовиых ветвей не произвело, ниже соком раны затянуло, и тут сделались дупла, грозящие погибелью древу. Так

³⁹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Князь М. Щербатов и А. Радищев / С предисл. Искандера [А. И. Герцена]. Л.: Trübner & Co., 1858. P. 1. В цитатах из текстов М. М. Щербатова сохранен стиль оригинала.

урезание суеверий и на самые основательные части веры вред произвело; уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера...»⁴⁰

Иными словами, появился целый слой людей с непоправимо «поврежденными нравами», но при этом находящихся близ власти. Старая мораль в их глазах скомпрометирована («фи, отсталость!»), новая толком не усвоена («это не по-нашему»). Результатом становится либо «пустое, рабское, слепое подражание», либо полная аморальность, лишь бы ее в каждом отдельном случае можно было прикрыть демагогией. Можно, конечно, сослаться на то, что система, в которой критерием нравственности становится воля монарха, сама по себе противоречива⁴¹. Однако то же мы видим у Лао Шэ, когда он в неоконченном романе «Под пурпурными стягами» изображает наполовину европеизированных китайцев на рубеже XIX—XX веков, и у А. Дж. Тойнби, передающего жалобы английских колониальных чиновников на своих подчиненных-африканцев.

Кстати, тот же А. Дж. Тойнби, рассматривая (в уже упоминавшейся главе) варианты вестернизации, критикует и петровский, и японский опыт: по его мнению, отказ от национальной традиции в обоих случаях был слишком резок. Кроме того, по его мнению, петровская Россия заимствовала западные достижения ограниченно и непоследовательно. Идеальным же автор считал опыт КНР при Мао Цзэдуне. Заметим при этом, что А. Дж. Тойнби был не только лондонским профессором, но и тесно сотрудничал с Форин оффис (английским МИД), так что личных причин для преклонения перед Мао у него не было.

И последнее, о чем нельзя забывать: модернизация — это все-таки средство, а не цель. Иначе она может свестись к переименованию водки с портвейном в «коктейль по-европейски». Цель — это рост жизненного уровня, чувство собственного достоинства у граждан, их способность самим решать дальнейшую судьбу — свою и своей страны. Если всего этого нет — *такая* европеизация никому не нужна. ◆

⁴⁰ Там же. Р. 29.

⁴¹ См. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1989. С. 82—83.